

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

В.И. Полищук, Г.А. Гумерова

СУДЬБА И ИДЕИ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Рассматривается современное состояние философии как особой сферы исследования и учебного курса, используется понятие «вера философов» как вера в себя, в своё естество, в своего «внутреннего человека». О такой вере знали отечественные философы-профессионалы, многие исповедовали её, но негласно. В аудиториях они говорили об ином: о политике, о науке, об искусстве, о закономерностях бытия и познания. Проблемы самой философии, таким образом, подменялись философскими проблемами политики, науки, искусства и т.п. Предполагается, что философия культуры станет последней философией «чего-то», на смену которой придёт философия человека с соответствующей идеей. Используется аналитический и компаративистский методы исследования, что обусловлено необходимостью выявления идейной сущности в понимании действительной ценности и выяснения проблемного статуса философии. Делается вывод о том, что идеей новой философии станет образовательная культура как вид бытия, создаваемый его носителем и определяющий, поэтому, всё своеобразие вида человек. Строго говоря, даже в систематизированном виде современная философия культуры всё ещё остаётся в границах, очерченных Гегелем. По логике, ей на смену придёт философия человека с соответствующей идеей. В статье подчеркивается: не философия о человеке, а философия самого человека, рождённая его независимым мышлением.

Ключевые слова: философия, культура, образование, стандартное обучение, наука, вера философов, подавление философии, идея философии, философия культуры, философия человека.

Review. The modern condition of philosophy as a special sphere of research and training course is considered, the concept of 'belief of philosophers' as a self-confidence and faith in themselves and their 'internal person' is applied. Russian professional philosophers knew about such belief, many followed that belief, too, but privately. In their classrooms they spoke of other things such as politics, art, laws of existence and cognition. Thus, true philosophical themes were replaced with the philosophical problems of politics, science, art, etc. There is an opinion that philosophy of culture will be the last philosophy 'of something' and be replaced only with the philosophy of human. In their research the authors have used the analytical and comparative research methods which was determined by the need to define the ideological essence in understanding the real value and problem status of philosophy. The authors conclude that a new idea of philosophy will be education culture as a form of existence created by its carrier and defining, therefore, all originality of humankind. Strictly speaking, even in the systematised modern philosophy of culture still remains within the borders outlined by Hegel. Logically, in the future it will be replaced with philosophy of the person. In this article it is underlined that it should be philosophy not 'about' the person but 'of' the person created by his independent thinking.

Keywords: philosophy of culture, idea of philosophy, philosophy, culture, education, standard training, science, belief of philosophers, supression of philosophy, philosophy of the person.

Почти незаметно, исподволь философия устранилась со сцены образования. Об этом свидетельствует и сокращение академических часов, выделяемых на чтение философских курсов, и отношение к философии как необязательному в целом предмету, и ликвидация соответствующего кандидатского экзамена. Кто-то радуется этому, а кто-то печалится.

Радуются чиновники, в том числе и от образования, многие из которых наследовали традиции комсомольских и партийных работников. По опыту знаем, в какое уныние ввергала их сама необходимость сдачи экзамена по философии. Считая себя рационально мыслящими, они видели в ней сплошной иррационализм, мешанину понятий и терминов, чистую бессмыслицу. Но они терпели

официальную философию, усматривая в ней, прежде всего, идеологическую функцию. При этом они подозревали, и вполне справедливо, что далеко не все философы верят тому, что вынуждены провозглашать в аудиториях. Партийные и комсомольские лидеры хорошо чувствовали двоемыслие советских философов, ведь они и сами им обладали. Это со всей очевидностью показал опыт постсоветской России.

Печалются, конечно же, прежде всего доктора и кандидаты философских наук. Правда, многие из них успели переквалифицироваться, но далеко не все. Считавшаяся до недавнего времени обязательной дисциплиной, философия обеспечивала работой солидный отряд вузовских преподавателей. Читались курсы лекций, далеко не оригинальные, правда, зато привычные, устоявшиеся. Но студентам-то, разумеется, они были внове. От преподавателей уже не требовалось что-то пропагандировать и отстаивать обязательные для всех истины. Следовательно, можно было быть в чём-то оригинальным, излагать общепринятое по-своему, завлекать студентов остроумием, близкими к жизни вопросами, рассказами о жизни философов прошлого. Философия обеспечивала работой и тех, кто был настроен писать учебники. Их теперь уже видимо-невидимо, так что и предпочесть какой-либо из них нелегко.

Но сегодня в этом и нет особой необходимости. Впрочем, для философа такой необходимости и раньше не было. М.К. Мамардашвили в своё время писал: «В философии в качестве предмета изучения существуют только оригинальные тексты. Немыслим учебник философии, немыслим и учебник по истории философии; они немыслимы как предметы, посредством которых мы изучили бы философию» [1, с. 24]. Некоторые из известных профессоров шли дальше. Они любили говорить студентам, нисколько не рисуясь при этом, что философия не в учебниках, она – в жизни. Вместе с тем они продолжают отсылать студентов к учебникам, либо писать их сами. Это можно объяснить, например, стремлением создать оригинальные тексты, о которых говорил М.К. Мамардашвили. Но вполне допустимо совсем иное объяснение: учебник философии, как и само её преподавание – это один из способов самоутверждения и выживания. Да не только учебники, но и публикации, числом которых всё ещё определяется уровень квалификации преподавателя. Понятно, что о качестве этих публикаций можно только сожалеть.

Не утверждаем категорически, что умаление роли академической философии есть некое возмездие лишь за отсутствие искренней веры в неё у философов по профессии. Здесь, как говорится, более сложный случай. Существуют ли примеры, когда возмездие бы достигло неверующих? Оно настигает тех, кто глумится над верой или изменяет ей. Философы по профессии позволяли себе это лишь отчасти, по необходимости. Кроме того, упрекать философов в безверии вообще – дело совсем не новое, да и не объективное. В этом их упрекал ещё апостол Павел (Кол. 2;8). А известный деятель Реформации Кальвин, создавая собирательный портрет неверующего, узнавал в нём «портрет философа» [2, с. 190]. И Павел, и Кальвин имели в виду, разумеется, вполне определённую веру. Её отсутствие у современных им философов не означало безверия. У философов издавна была своя вера. Её образно выразил Аристипп, один из благодарнейших учеников Сократа. На вопрос об особенностях философов, он ответил: «Если все законы уничтожатся, мы одни будем жить по-прежнему». Иными словами, вера философов – это вера в себя, в своё естество, в своего «внутреннего человека», о котором, кстати сказать, писал и Павел (Рим. 7;22). О такой вере знали отечественные философы-профессионалы, многие исповедовали её, но негласно. В аудиториях они говорили об ином: о политике, о науке, об искусстве, о закономерностях бытия и познания. Проблемы самой философии, таким образом, подменялись философскими проблемами политики, науки, искусства и т.п.

Хочется ещё раз подчеркнуть: «уход» философии, даже, может быть, и негласный запрет на философию связан не только с утратой веры в неё в среде самих философов. Вытеснение философии из учебных планов, подмена её иными, «философообразными» дисциплинами представляет собой очередной рецидив уже не раз случавшегося в истории отечественного образования. «Вредоносность философии – устойчивая мифологема в идеологии российских чиновников, – писал В.В. Ванчугов, – и их страх перед философией мог соперничать только со страхом перед тифом, регулярно посещавшим Россию» [3, с. 85]. Справедливости ради нужно отметить, что положение философии в России, её роль в образовании иначе оценивали учёные. Д.И. Менделеев, к примеру, писал о ней: «Поэтому наставник тогда только будет надлежащим педагогом-фи-

лософом, возбуждающим чистое стремление к постижению истины самой по себе – чрез правду жизни, когда он лично со всеми своими силами войдёт в область одной из тех наук, которым придаётся название философских» [4, с. 235]. И всё же чиновническое отношение к философии имело решающее значение. Его выразил кн. Платон Ширинский-Шихматов, сменивший в 1849 г. С.С. Уварова на посту министра народного просвещения: «Польза от философии не доказана, а вред от неё возможен».

История повторилась через 70-80 лет. Философия вновь оказалась под запретом. Точнее, она была подменена наукой о «всеобщих законах развития природы, общества и мышления». Как отмечал М.К. Мамардашвили, «...люди знали, что они преподают вовсе не философию; их задача была другой – создать некоторое единомыслие. Отсюда, по этой схеме, выросла внешняя структура преподавания философии в высшей школе. Была выстроена концепция философии, которая с природой философии не считалась» [1, с. 25].

Официально такая концепция, как известно, существовала до начала 90-х гг. прошлого столетия. Неофициально она существует и сегодня – в стандартных, хотя и несколько обновлённых, курсах философии. Но сомнения в философичности этой концепции высказывались давно. В особенности теми, кто смотрел на философию со стороны. Например: «В то время как литература всё больше обращается к человеческой личности, философская этика словно не желает замечать человека. Вот тогда-то я и подумала, что философия, видимо, перестала быть гуманитарной областью знания» [5, с. 104]. И ещё: «Если же говорить о философии, то мне – со стороны – представляется, что наша философская мысль легче преодолевает свои трудности тогда, когда обсуждает проблемы, сопряжённые либо с логикой, либо с естествознанием. Тем более там, где она выходит в общую историю культуры, особенно в историю науки как части культуры. А труднее тогда, когда обращается к причине явлений современной культуры и когда надо понимать искусство изнутри, уметь читать, слышать, видеть...» [6, с. 110].

А.В. Михайлов подметил правильно: в 70–80-е гг. прошлого столетия многие отечественные философы проявляли особый интерес к вопросам теории познания, истории и философии науки. В моде были имена Куайна, Куна, Лакатоса, Поппера, Фейерабенда и т.п. Таким образом, свои со-

мнения в официальной концепции философии выразили и профессиональные философы. Но сами они ничего не могли предложить взамен не удовлетворявшей их концепции. Поэтому «природа философии», о которой говорил М.К. Мамардашвили, была просто сужена до одного из трёх – действительно философских, по мнению Канта, – вопросов: что я могу знать. И в этом ни отечественные философы, ни перечисленные зарубежные авторы не были пионерами. Задолго до них обеднение философской проблематики совершили позитивисты. Но и Карл Р. Поппер, считавший себя в оппозиции позитивизму, в небольшом эссе «Какой мне видится философия» писал: «Проблемы теории познания представляются мне ядром как основанных на здравом смысле не критических философских представлений, так и академической философии» [7, с. 121]. Это мнение, которое почему-то не принято считать позитивистским, разделяли не только влиятельные отечественные философы в последней четверти XX в., но и учёные-естественники. Оно казалось им более реалистичным и более научным, чем официальная философия. Нелепо и неэтично было отрицать философию вообще, но она должна быть наукой. А поскольку о философии как о науке сказать в сущности нечего, то она должна была стать философией науки. К началу XXI в. такое мнение утвердилось и в образовательной политике России.

Таким образом, через двадцать с лишним лет тайные сомнения отечественных философов в официальной философии и начатый, в результате этих сомнений, эпистемологический поворот привели к очередному «подавлению философии» в России [8]. Это стало уже третьим по счёту подавлением. Оно, конечно, происходило не так откровенно, как в середине XIX в. и в 20–30-е гг. прошлого: российское чиновничество всё же чему-то учится. Многому в своё время научились и советские философы. Они не могли, разумеется, открыто выступить против официальной концепции философии как науки. Они сместили акценты, сузили предмет исследований и превратили её в философию науки. Иными словами, очередное подавление философии в России философами же и было подготовлено.

Три подавления – это уже некоторая закономерность. Действительно, закономерность здесь вполне очевидная: в результате каждого из них философия становилась идеологией, т.е. системой взглядов, выражающей, в конечном счёте, интере-

сы правящей элиты. С известными – апологетическими, разумеется – целями: оправдать наличное социальное бытие и сформировать единомыслие, о котором писал М.К. Мамардашвили. Он имел в виду единомыслие советской эпохи. Но эпоха, в особенности в России, не имеет значения. В любую эпоху философия, как и любая иная система взглядов, санкционированная властью и утверждённая в качестве образовательной программы, становится идеологией и призвана формировать единомыслие в обществе. С середины XIX в. идеологическую роль играла русская религиозная философия, а с 20–30-х гг. прошлого века подобную роль играла марксистско-ленинская философия. С начала XXI в. формируется новая идеология – история и философия (методология) науки. С небольшим пока ещё довеском в виде философии образования.

Фактически новая идеология является превращённой формой науки, её фантомом, видимостью, спекулирующей на сохранившемся до сих пор уважении к науке. С другой стороны, эта идеология есть очередное превращение философии в науку и, следовательно, устранение самой философии. Всё содержание философии науки исчерпывается её предметом, поэтому ни науке в собственном смысле слова, ни философии как таковой места в ней уже нет. Но это вовсе не снижает ценность новой идеологии. Во-первых, идеология вообще не нуждается ни в научности, ни в философичности, поскольку легко обретает форму и науки, и философии. Фрагменты той и другой виртуозно используются в идеологии лишь как средство для достижения отмеченной выше цели – обеспечивать однообразие в мышлении множества индивидов. Во-вторых, философия науки – это всё же новая идеология, соответствующая эпохе информационного общества. И поэтому, в-третьих, она, под видом современной философии, может быть достаточно просто встроена в образование практически любого профиля. Тем самым автоматически устраняются и затруднения, которые испытывают преподаватели философии при изложении устаревших теперь уже сведений.

Итак, современное гуманитарное образование призвано сформировать у студентов следующее представление: философия – это философия науки, а всякая иная, в том числе и философия сама по себе, серьёзного внимания не заслуживает. Что, собственно, и является устранением философии. Но это далеко не новое представление. Российское образование, если оно опирается на свой собствен-

ный опыт, всегда было достаточно развитым. Оно оказывается вдруг отсталым, когда чиновники, не отягощая себя размышлениями, внедряют в него опыт других стран. Так и с философией: на Западе тема смерти философии серьёзно обсуждается ещё с середины прошлого столетия. Т.И. Ойзерман в 1979 г. писал об этом: «Современная буржуазная философия эволюционирует не от мифа к разуму, а от разума к мифологии. И буржуазная концепция смерти философии, несмотря на то, что она отражает вполне определённые факты, является мифом, который убедительно опровергается творческим развитием диалектического материализма» [9, с. 136].

Итоги «творческого развития» хорошо известны. Они и не могли быть иными. В какой бы форме ни преподавалась философия, необходимость в поиске новой её формы всё равно даст о себе знать. Гегель, например, в письме «О преподавании философии в университетах» так излагал эту необходимость: «Особого рода затруднение для преподавания философии в настоящее время происходит из полученного этой наукой направления, при котором прежняя структура науки философии и частные науки, принявшие от неё философский материал, по форме и содержанию более или менее устарели и когда, с другой стороны, пришедшая на это место идея философии (подчёркнуто нами – *В.Л., Г.Л.*) остаётся ещё без научной разработки, а материал частных наук ещё не полностью или вовсе не преобразовался и не перешёл в новую идею» [10, с. 419].

Видно, что и во времена Гегеля шли поиски новых форм преподавания философии, а также её оптимального соотношения с философским содержанием частных наук. Но, разумеется, речь шла не об устранении философии, не о подмене её частными науками, что вызывало у Гегеля, по меньшей мере, удивление: «...я упомяну ещё об одном странном явлении, когда философ излагает в философии, больше или меньше, некоторые или вообще различные науки, как и представитель любой другой науки» [10, с. 424].

Но и сам Гегель, как известно, стремился сделать философию наукой. Это означает, что он в чём-то существенном подменил её частными науками. Сегодня то же самое происходит в российском образовании. Упорядочив содержание философии, Гегель методически изложил его в соответствии с идеей философии. Вот как он её себе представлял: «Материал – духовный и природный

мир – тот же самый, и, следовательно, философия должна расчлняться на те же самые частные науки» [10, с. 424]. Он привёл философию в такую систему, что, как писал Энгельс, систематика в философии после Гегеля невозможна. Добавим: она не только невозможна, но и не нужна. Гегель не уставал повторять, что его философия – наука. Но это может означать, что и наука – тоже философия. Он сам, следовательно, дал повод к тому, чтобы не видеть в философии ничего вненаучного, науке не подвластного, но не менее, весомого, а может быть и более важного для человека, чем все науки вместе взятые.

Хотят ли того чиновники от образования или нет, но в попытках устранить философию и представить её философией науки, они идут путём, весьма похожим на гегелевский. Как преподаватель, Гегель, конечно же, руководствовался, прежде всего, дидактическими соображениями: «Сделать содержательное доступным для понимания, охватить его определёнными мыслями, понять и уберечь тем самым от печальных заблуждений должно быть делом философии» [10, с. 424]. Всё это правильно, но с одной оговоркой, меняющей суть дела: философские знания, приведённые в систему и существующие как текст вне философствующего, живут уже по законам иного – нефилософского – жанра.

Рассказывают, что молодой Огюст Конт попросил однажды Гегеля изложить своё учение коротко, доступно и по-французски. Немецкий мыслитель якобы ответил, что его учение нельзя изложить ни коротко, ни популярно, ни по-французски. Из чего Конт заключил, что гегелевская философия является произведением гениального, но одинокого ума. Она может вызывать восхищение, но не может иметь никакого практического значения. А Гейне, в течение двух лет занимавшийся учением Гегеля, чтобы популярно изложить его в очерке «К истории религии и философии в Германии», в итоге сжёг собственную рукопись. Он, писал А.В. Гулыга, так объяснил свой поступок: «Жидкая похлёбка христианского сострадания для страдающего человечества всё же полезнее, чем густо заправленные хитросплетения гегелевской диалектики» [11, с. 38].

Мы вовсе не желаем поставить под сомнение Гегеля как философа. Но то, что помимо приведённых в систему философских знаний существует иная – реальная – философия, не отрицал ни Гегель, ни отрицавший его Конт, ни Поппер. Не нужно

отрицать этого и сегодня, находясь в поиске новых форм преподавания философии и отстраняясь якобы от позитивистского её понимания. Как говорил М.К. Мамардашвили, философствуют даже те, кто и о самом термине «философия» не имеют представления. Гегель, разрабатывая в 1805–1806 гг. материалы к лекционному курсу, назвал их «Иенская реальная философия». Работа является изложением, в виде системы, разумеется, всей его философии, позже представленной в отдельных произведениях. Он писал о философском знании как восстановленной непосредственности, в качестве которой выступает чувственное сознание, раздвоенное на природу и на знание о себе. Писал об отчуждаемой от самой себя философии, приходящей «к своему началу, к непосредственному сознанию, которое именно раздвоено» [10, с. 385]. А в одном из примечаний к своему тексту он подчеркнул: «Деятельность умирает в продукте» [10, с. 298]. Продукт самого Гегеля – его систему – постигла именно такая участь. Он просто не мог излагать философию бессистемно, его обязывала к этому профессия.

Значит ли это, что любое изложение философии в виде системы не является философией? Думаем, что да. В отличие от привычного представления о философии, можно сказать иначе: система не делает ей чести. Система в философии – это миф, удобная видимость, не столько отображающая истину, сколько скрывающая её. Но она необходима, если речь идёт о доступном изложении философских знаний, т.е. о передаче и простой рецепции их в готовом виде. И она оправдана в той мере, в какой является философствованием. Правда, философствовать можно по любому поводу, начиная со спичечного коробка и заканчивая далёкими звездами. Вместе с тем, есть и упоминавшаяся уже вера философов, и своеобразный признак философии как донятия собственного существования. Философия возникает, когда появляется сомнение в таком существовании. И разрешается это сомнение в ходе демифологизации нашего сознания. Как полагал Л. Витгенштейн, «...философия ...это борьба против околдования нашего разума средствами нашего языка» [12, с. 142].

Во введении к «Лекциям по истории философии» Гегель писал: «Можно сказать, что там, где народ выходит вообще из пределов своей конкретной жизни, где возникает разделение и различие сословий и народ идёт навстречу своей

гибели, там, где наступает разрыв между внутренним стремлением и внешней действительностью, где прежняя форма религии и т.д. уже больше не удовлетворяет, где дух выказывает равнодушие ко всему живому существованию или пребывает в нём неудовлетворенным и нравственная жизнь разлагается, – лишь там философствуют» [13, с. 109–110].

Очевидно, что всё перечисленное вполне характерно и для нашего времени. Можно сказать, что такова наша культура. Она развивается бесцельно, по каким-то механическим, а не смысловым, конечным причинам. Она приобретает значение самостоятельной сущности, «околдовывает» и нередко вынуждает поступать нас в соответствии со своей логикой, вопреки здравому смыслу. Такая же роль и у науки как части культуры. Наука вполне достойна, чтобы философствовать по её поводу. Но это не означает, что философия науки исчерпывает собой всю философскую проблематику. Оставаясь в границах науки, нельзя понять многое: смысл и назначение человеческих отношений и человека, специфику его внутреннего мира, его роль в культуре, роль самой культуры или научного познания в целом.

Конечно, сегодняшняя наука – это не наука вчерашнего дня. Под влиянием социокультурных событий она давно перестала быть классической. Сегодня, пишет И. Пригожин, «наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, возможно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [14, с. 48]. Иными словами, наука близка к тому, чтобы решать вопросы, издавна считавшиеся философскими. Однако говоря, она уже испытывает сомнение в необходимости своего обособленного существования. В этом есть определённая закономерность: отпочковавшись когда-то от философии, наука неизбежно «впochкуется» в неё. Она будет вынуждена решать вопросы о том, почему её картина мира, в конечном счёте, сообразуется с человеком, о зависимости бытия от человека и о том, почему он так одинок в мироздании.

Но это не вопросы философии науки самой по себе, очевидна их связь с культурой. Философия культуры, поэтому, должна быть современным видом философствования и философии. Здесь много проблем. Несмотря на двухсотлетнюю историю существования самого понятия, философия культуры всё ещё является собранием высказываний и представлений о культуре раз-

личных мыслителей. Остаётся открытым вопрос о сущности культуры, о её самопорождении, т.е. способности саму себя создавать, что является свойством духа вообще. Не менее важен вопрос об общих закономерностях развития культуры, которые, конечно же, не могут быть принципиально иными, чем те, что сформулированы Гегелем в его диалектике. Но в содержательном плане вопрос о таких закономерностях влечёт за собой ещё более важную проблему: соотношение культуры и жизни. Два этих вида бытия отнюдь не равноценны и болезненно – для жизни – согласуются друг с другом.

Важен вопрос и о закономерном преобладании в культуре демиургического начала, вследствие чего из неё вытесняется начало сакральное. Даже сам термин «культура» ассоциируется, прежде всего, с понятиями чего-то созданного, возделанного, обработанного, а не с понятиями почтения, уважения и любви. Именно с этим, возможно, связано превращение культуры в цивилизацию. Наконец, не решён вопрос о смысле и цели культурного развития человека. Вместо этого он размышляет о значении и об итогах своего развития. Похоже, что и смысл, и цель заданы ему самой культурой. Неудивительно, что картина мира, созданная им, в конечном счёте, сообразуется с его видением, т.е. оказывается, в сущности, картиной культуры. Иначе и не может быть, поскольку современный человек, как правило, уже не мыслит себя вне культуры.

Можно предположить, что философия культуры станет последней философией «чего-то». Идеей этой философии является образовательная культура как вид бытия, создаваемый его носителем и определяющий, поэтому, всё своеобразие вида человек. Строго говоря, даже в систематизированном виде современная философия культуры всё ещё остаётся в границах, очерченных Гегелем. По логике, ей на смену придёт философия человека с соответствующей идеей. Подчеркнём: не философия о человеке, а философия самого человека, рождённая его независимым мышлением. Для этого необходимо совсем «немного». Нужна автономия университетов, «академическая свобода», как говорил М.К. Мамардашвили, а не стандартное обучение. Необходимо, чтобы человек обучался ради себя самого, а не ради культуры. Тогда и появится его – человека – философия. Если, конечно, он не умрёт прежде в своём продукте, т.е. в культуре.

Список литературы:

1. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Мамардашвили Мераб. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
2. Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988.
3. Ванчугов В.В. Очерк философии «самобытно-русской». М.: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1994.
4. Менделеев Д.И. Народное просвещение и высшее образование // Менделеев Д.И. Соч. Т. 23. Л.-М., 1952.
5. Латынина А.Н. Вопросы человеческой судьбы // Вопросы философии. 1984. № 2.
6. Михайлов А.В. Проблема текста // Вопросы философии. 1984. № 2.
7. Поппер Карл Р. Какой мне видится философия // Перспективные проблемы философских исследований за рубежом. М.: ИФ РАН, 1991.
8. Терминиспользован из статей И. Яхота под общим названием «Подавление философии в СССР (20-30-е годы)» // Вопросы философии. 1991. №№ 9–11.
9. Ойзерман Т.И. Буржуазный миф о смерти философии // Вопросы философии. 1979. № 9.
10. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
11. Гулыга А.В. Гегель. М.: Молодая гвардия, 1970.
12. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Fr. a. M., 1971.
13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. СПб.: Наука, 1993.
14. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
15. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
16. Спинова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2011.
17. Гумерова Г.А. Идейные истоки русской философии культуры XX века // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3(15).
18. Ларин Ю.В. Природа человека в проекции культуры // Философия и культура. 2014. № 11(83).
19. Полищук В.И. Сценарий для мировой истории и культуры // Философия и культура. 2011. № 10(46).
20. Гуревич П.С. Образование и будущее человека // Педагогика и просвещение. 2013. № 2. С. 104-113. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9123).
21. Сиземская И.Н. Проблемы образования в контексте отечественного философско-педагогического наследия // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 7-15.

References (transliteration):

1. Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu // Mamardashvili Merab. Kak ya ponimayu filosofiyu. M.: Progress, 1990.
2. Revunenkov N.V. Rennessansnoe svobodomyслиe i ideologiya Reformatsii. M.: Mysl', 1988.
3. Vanchugov V.V. Ocherk filosofii «samobytno-russkoi». M.: RITs «PILIGRIM», 1994.
4. Mendeleev D.I. Narodnoe prosveshchenie i vysshee obrazovanie // Mendeleev D.I. Soch. T. 23. L.-M., 1952.
5. Latynina A.N. Voprosy chelovecheskoi sud'by // Voprosy filosofii. 1984. № 2.
6. Mikhailov A.B. Problema teksta // Voprosy filosofii. 1984. № 2.
7. Popper Karl R. Kakoi mne viditsya filosofiya // Perspektivnye problemy filosofskikh issledovaniy za rubezhom. M.: IF RAN, 1991.
8. Terminispol'zovan iz statei I. Yakhota pod obshchim nazvaniem «Podavlenie filosofii v SSSR (20-30-e gody)» // Voprosy filosofii. 1991. №№ 9–11.
9. Oizerman T.I. Burzhuznyi mif o smerti filosofii // Voprosy filosofii. 1979. № 9.
10. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let: v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1970.
11. Gulyga A.V. Gegel'. M.: Molodaya gvardiya, 1970.
12. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Fr. a. M., 1971.
13. Gegel' G.V.F. Lektzii po istorii filosofii. Kn. 1. SPb.: Nauka, 1993.
14. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6.
15. Gurevich P.S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2013.
16. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M., 2011.
17. Gumerova G.A. Ideinye istoki russkoi filosofii kul'tury XX veka // Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova. 2014. № 3(15).
18. Larin Yu.V. Priroda cheloveka v proektsii kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 11(83).
19. Polishchuk V.I. Stsenarii dlya mirovoi istorii i kul'tury // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 10(46).
20. Gurevich P.S. Obrazovanie i budushchee cheloveka // Pedagogika i prosveshchenie. 2013. № 2. S. 104-113. (DOI: 10.7256/2306-434X.2013.2.9123).
21. Sizemskaya I.N. Problemy obrazovaniya v kontekste otechestvennogo filosofsko-pedagogicheskogo naslediya // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 3. S. 7-15.